Master Negative Storage Number

OCI00051.12

Peiverint, P.

Poputchik

Moskva

1897

Reel: 51 Title: 12

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OC00051.12

Control Number: ADY-2144
OCLC Number : 30480897
Call Number : W 381.5917N B181M no. 2
Author : Peiverint, P.
Title : Poputchik / razskaz P. Peiverinta.
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1897.
Format : 31 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

ПОПУТЧИКЪ.

W381. 5917N B181m no.2

ПОПУТЧИКЪ.

РАЗСКАЗЪ

П. Пэйеринта.

№ 39.

МОСКВА.
Типогр. Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 мая 1896 г.

ПОПУТЧИКЪ.

ПОПУТЧИКЪ.

Разъ, по веснѣ, когда таялъ снѣгъ и бѣжала вездѣ вода, мнѣ нужно было ѣхать по приходу. На дорогѣ я нагналъ мужичка, который понуро брелъ за своей клячонкой, тащившей изо всѣхъ силъ тяжело нагруженныя двумя бочками дегтя сани. Поровнявшись съ возомъ, я слѣзъ съ своихъ саней и пошелъ рядомъ съ путникомъ.

— Здравствуй, братецъ, — говорю я ему.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь.

Всматриваюсь — лошадка невообразимо-тощая; подъ-стать ей и сбруя бросается въ глаза своей неприглядностью: вся-то она изъ старыхъ, плохо связанныхъ узлами, мочаль-

ныхъ веревокъ; такія же вожжи и тоже въ узлахъ. Въ саняхъ, кромѣ двухъ бочекъ съ дегтемъ, виднѣлось нѣсколько осоки и мѣшокъ съ соломенной сѣчкой: это былъ кормъ для лошади; тутъ же, подъ передкомъ, и торбочка, вѣроятно, съ съѣстнымъ для самого хозяина; самъ онъ былъ одѣтъ въ оборванный сюртукъ, съ расползшимися, несмотря на веревочный поясъ, бортами; сквозь рваную рубаху всей своей наготой проглядывала исхудалая грудь. Обувь была не лучше, — заплата на заплатѣ; изъ подошвъ въ дырахъ выглядывала соломенная подстилка; рукавицы въ заплатахъ, а на головѣ старая засаленная шапка... Въ саняхъ для самого хозяина мѣста не было; для лошадки вдосталь было тяжести и двухъ бочекъ; малосильная, она и такъ едва волокла сани по разрыхлѣвшей дорогѣ. При каждомъ подъемѣ то и дѣло приходилось хозяину, хотя немного, да помогать своей лошадкѣ вытягивать возъ. Между тѣмъ, дорога сплошь перерѣзывалась промоинами, и сапоги бѣдняка каждый разъ зачерпывали студеную воду; слышно было,

какъ ноги, хлипая, выжимали изъ сапоговъ обратно зачерпнутую воду цѣлыми потоками...

— Куда вы ѣдете? — спрашиваю я.

— Въ мѣстечко, — отвѣтилъ проѣзжій коротко и непривѣтливо.

— Лучше бы и пообождать... Видите, какова дорожка?..

— Правда, дорога плоха, да что подѣлаешь, когда ждать-то не приходится?..

— Развѣ ужъ такая крайность?

— Еще бы... Распродажа!.. Тутъ не будутъ справляться, хороша или дурна дорога, — отвѣтилъ мой спутникъ, понуривая голову.

Только теперь я могъ хорошо разсмотрѣть лицо спутника, встрѣтившись съ его скорбнымъ и какъ будто запуганнымъ взглядомъ. Испитое нуждой, оно казалось старымъ; но онъ былъ не старъ.

— Кто такъ неумолимо взыскиваетъ съ васъ уплату долга? — спросилъ я.

— Нашъ пробстъ, — отвѣтилъ бѣднякъ отрывисто.

— Пробстъ? Развѣ вы ему задолжали уже слишкомъ много? — удивился я.

— Много-то не много — прошлогоднюю *десятину*...*)

— Только *десятину* за прошлый годъ? Развѣ и ея не могъ обождать? Можетъ-быть, вы не просили отсрочки?

— Просилъ, и не одинъ разъ...

— Такъ что же?

— Разсердился страшно... Онъ сказалъ: «Вы меня только обкрадываете, негодяи!» Такъ и не смиловался; а я упрашивалъ долго, со слезами...

И опять бѣднякъ посмотрѣлъ на меня своимъ понурымъ взоромъ...

— Нечего сказать, жестокій человѣкъ вашъ пробстъ... Могъ бы, кажется, и подождать со своими требованіями до болѣе удобнаго времени! — замѣтилъ я съ досадой.

— Такъ и мнѣ сначала казалось... Да вѣдь я человѣкъ темный, многаго не понимаю; пробстъ у насъ — пастырь мудрый: онъ долженъ все это знать лучше нашего...

---

*) Въ Финляндіи въ пользу пробота (священника) прихожане обязаны взносить ежегодно $^1/_{10}$ часть урожая натурой или деньгами, — это „десятина“.

Велики его труды и велика его за наши души отвѣтственность; вотъ и нужна ему его *десятина* и въ свое время!... Онъ у насъ хорошій проповѣдникъ и свои обязанности выполняетъ прекрасно... За эти слова я на него и не пеняю... Нѣтъ, сохрани Богъ. Только уплатить-то было не подъ силу... Болтаютъ, что нашъ пробстъ скупенекъ... А развѣ безъ денегъ можно ему жить при его тяжелыхъ трудахъ?.. Что же онъ будетъ дѣлать, въ самомъ дѣлѣ, если мы не уплатимъ ему въ срокъ положенной «десятины»?..

Такъ разсуждалъ мой попутчикъ съ разстановками, какъ бы обдумывая каждое свое слово. Ему и на умъ не приходило, что пасторъ, о карманѣ котораго онъ такъ хлопоталъ, вѣрно не имѣлъ и сотой доли тѣхъ заботъ, какія были у него, бѣдняка. О, я близко знаю нашего крестьянина! Всѣ они на одинъ покрой... Въ постоянной борьбѣ съ непогодами и неурожаями, въ нищетѣ и лишеніяхъ, какъ этотъ бѣдняга, они, кажется, только о томъ и помышляютъ, чтобы успѣть внести свои *десятины* къ сроку, въ свое

время и честно; не внесетъ — такъ ужъ развѣ тотъ, кому дѣйствительно *невмоготу и не подъ силу*...

Я назвалъ сгоряча пробста «безжалостнымъ» и, можетъ быть, поступилъ нѣсколько опрометчиво. Не даромъ мой спутникъ, видимо, не соглашался со мною. Въ душѣ, какъ я догадывался, онъ не одобрялъ моего отзыва и не желалъ допустить оскорблять доброе имя своего пастыря. Онъ продолжалъ:

— Только больно было слышать слова пробста, что я его обкрадываю... Суди меня Богъ — я и въ мысляхъ не хотѣлъ его обманывать... Вотъ, не могъ уплатить въ срокъ — это вѣрно; да вѣдь это не одно и то же... Правда, господинъ?..

Бѣднякъ какъ будто еще чувствовалъ и теперь всю оскорбительность отзыва пробста, всю его несправедливость. Слова его шли, очевидно, отъ чистаго сердца, а ему еще разъ хотѣлось какъ будто оправдываться...

— Вотъ теперь только бы довезти деготь до мѣстечка... Расплачусь — и отмѣнятъ распродажу!..

— Лошадка-то у васъ немного плоховата, любезный, — сказалъ я.

— Правда, плохонька... Да какъ же ей быть иначе, когда круглый годъ на одной осокѣ?

— Получше бы кормили, не раскаялись бы за свою заботу, — продолжалъ я.

— Да, ваша правда, если смотрѣть *со стороны*... Только ничего не подѣлаешь... Въ этотъ годъ морозъ убилъ у меня рожь, все отнялъ... Поневолѣ думаешь каждую крохy съѣстного сначала семьѣ да себѣ; да и то, по правдѣ, не разузнать иной разъ своей ѣды отъ лошадиной... Подойдетъ пора, что у семьи съ лошадью одна ѣда...

И бѣднякъ опять взглянулъ на меня своими печальными глазами.

— Вотъ и сапоги у васъ не для такой дороги... Починили бы — ноги и были бы сухи! — говорю я, подозрѣвая своего спутника въ безпечности и лѣности.

— Да, *со стороны-то* словно и такъ бы!.. А вотъ у него шесть голыхъ ребятишекъ, полунагая жена, такъ у того и не хва-

тить времени на починки!.. Впрочемъ, мои сапоги свое отслужили: чинились, въ свое время, перечинивались, а теперь и заплаты-то на нихъ не удержатся... Вѣрьте, и я бы сумѣлъ одѣться получше, да невмоготу... ничего не подѣлаешь.

Онъ замолчалъ...

— Откуда вы сами-то будете?

— Вонъ изъ той деревеньки, въ концѣ прихода...

— А зовутъ васъ?

— Матти Антоновъ съ «Голодной Горки» — меня такъ зовутъ... И подѣломъ: всю жизнь *голодаю* на своей «горкѣ».

— Какъ такъ?..

— Да такъ! Моя хата построена на концѣ деревни: участокъ вдался въ болото и никуда не годится... Еще отецъ тутъ выстроился, раздѣлалъ пашню, а въ послѣднее время морозы то и дѣло къ намъ какъ непрошенные гости...

— Ну, могли бы найти другой, болѣе подходящій участокъ, — земля не клиномъ сошлась...

— *Со стороны-то* словно бы и такъ, а ничего не подѣлаешь!.. Уйти можно, да съ чѣмъ? Моего поля никто не купитъ, а, не продавши, на что купишь новую землицу?.. Вотъ и приходится сидѣть на прежней,—все же лучше, чѣмъ протягивать руку за милостыней... Вотъ только бы отъ «распродажи» отдѣлаться...

— Деготь-то у васъ прошлогодній?

— Вотъ что захотѣли, прошлогодній! У насъ долго держать его не приходится: онъ тоже идетъ, какъ все, *изъ рукъ да прямо въ ротъ*... Только кончилъ гонку—какъ въ бочки, на возъ да на базаръ...

Пока мы вели такой разговоръ, показался «дворъ». Здѣсь намъ слѣдовало остановиться на роздыхъ; такъ разсчиталъ мой попутчикъ, такъ разсчиталъ и я. На моихъ саняхъ не было клади, а лошадка все-таки пріустала. Въѣзжаемъ на дворъ. Сани моего спутника тяжело тащатся по голой разбухшей землѣ; пришлось обоимъ помогать лошадкѣ втащить на дворъ возъ съ тяжелыми бочками. Здѣсь мы распрягли лошадей, задали имъ корму и

направились въ домъ; проголодались, — нужно было перекусить. Мой товарищъ захватилъ изъ саней торбочку со своимъ дорожнымъ запасомъ, вынулъ оттуда что-то и пристроился къ топившейся печкѣ. Мнѣ захотѣлось узнать, что ѣстъ мой попутчикъ. Я нарочно прошелъ мимо него, но сразу попятился: не барская ѣда была у бѣдняка, — черный сыпучій кусокъ ржанаго хлѣба, испеченнаго пополамъ съ корой, щепотка соли на приправу и... только!

Вернувшись въ свой уголъ, я обратился къ своему товарищу.

— Не хотите ли, добрый человѣкъ, попробовать моего запасца? — говорю я.

Онъ какъ будто удивился... посмотрѣлъ на меня молча. Мнѣ спачала показалось, что онъ не разслышалъ приглашенія. Я повторилъ:

— Подойдите-ка да попробуйте!..

— Почему вы такъ добры ко мнѣ? — отвѣтилъ, наконецъ, Матти и подошелъ, спрятавъ свой завтракъ обратно въ торбочку.

Онъ шелъ ко мнѣ не спѣша, словно еще опасался шутки; онъ какъ будто старался

сначала убѣдиться, взаправду ли я такой добрый, что дѣлюсь съ нимъ ѣдой.

— Подсаживайтесь ближе... Садитесь, садитесь, поѣдимъ вмѣстѣ, — повторилъ я.

Матти сѣлъ и, когда принялся ѣсть, видно было, что голодный былъ человѣкъ.

Тутъ мы съ нимъ разошлись. Матти слѣдовало ѣхать прямо къ мѣстечку, мнѣ въ сторону. Всю дорогу я вспоминалъ о Матти... Онъ былъ какой-то особенный. Его обессиленная клячонка съ рваной упряжью, его заплатанные сапоги съ выглядывающей изъ-подъ подошвъ соломенной подстилкой, морщины, бороздившія его еще не старое лицо, — все это нѣтъ-нѣтъ да и припоминалось мнѣ, словно онъ передо мной... А въ ушахъ то и дѣло, какъ будто наяву, слышались его слова: *„Да такъ, словно бы, со стороны-то..." „Кто нашихъ дѣлъ не знаетъ..." „Я человѣкъ темный, — многаго не понимаю..." „Пробстъ у насъ добрый пастырь, — понимаетъ это лучше..." „О, пробстъ хорошій у насъ проповѣдникъ!" „Да, ве-*

лики его труды и велика его отвътственность за наши души...“ „Такъ какъ же ему безъ нашей дѣсятины...“ „Обворовали меня, негодяи!..“ „Нѣтъ... обмануть и въ мысляхъ у меня не было... не подъ силу только было!“ и т. д.

Прошелъ день, другой... Передо мной показалось довольно обширное мѣстечко—цѣлый городокъ. Оно раскинулось широко, и кругомъ виднѣлись обширныя поля... На улицахъ зданіе высилось за зданіемъ, а дома стояли тѣсными рядами, одинъ лучше другого. Тутъ уже ничего не было похожаго на наши поселки. Здѣсь, кажется, ужъ не было и помину о какихъ-то недоимкахъ съ десятинъ для пробста. Да, да, этого здѣсь не было!

На горѣ стояла великолѣпная церковь; внизу разстилалось большое озеро, а дальше синѣлъ густой сосновый лѣсъ. Нѣсколько подальше, на вдающемся мыскѣ озера, среди хорошо сбереженнаго и отдѣланнаго сада, помѣщался *пасторатъ* (домъ священника) съ богатыми хозяйственными постройками. По

моимъ дѣламъ мнѣ какъ разъ нужно было повидаться съ здѣшнимъ пробстомъ, и я поспѣшилъ къ нему.

Пасторатъ вблизи былъ еще красивѣе. И снаружи и внутри онъ былъ богато отдѣланъ; все, что только выдумано для нашего удобства, здѣсь было налицо. Пробста я засталъ сидящимъ въ мягкой качалкѣ. Это былъ важный, нѣсколько полный, но красивый и еще далеко не старый мужчина.

Оказалось, что «Голодная Горка» принадлежала къ приходу этого самаго пробста, а Матти — къ числу его прихожанъ... Итакъ для содержанія этого самаго пастыря и выбивалась распродажей десятинная недоимка съ моего новаго знакомаго; для уплаты этой-то десятины тащился въ мѣстечко бѣдный Матти, зачерпывая и хлипая своими дырявыми сапогами, бредя по подтаявшему снѣгу за своей обезсиленной клячонкой съ двумя бочками дегтя. *„Право не хотѣлъ я обворовать пробста; только было не подъ силу уплатить къ сроку...“* слышался мнѣ какъ будто наяву голосъ моего Матти.

Входя къ пробсту, я засталъ его съ кистеромъ (церковнымъ старостою) и какъ разъ посреди самаго оживленнаго разговора.

— И ты еще смѣешь считать себя честнымъ человѣкомъ!.. Ты?.. А сказалъ ты прежде, сколько у нихъ коровъ? Я знаю, у тебя собраны вѣрныя справки, гдѣ онѣ... А, молчишь!—раздавался сердитый голосъ пробста.

— У кого справки,—у меня?—удивлялся кистеръ.

— Да, у тебя, у тебя!—говорилъ пробстъ, смотря въ лицо кистера упорно своимъ надменнымъ взглядомъ.

— Помилуйте, гдѣ же мнѣ знать весь скотъ въ приходѣ!..—возражалъ кистеръ громко.

— Лжешь... Ты все это хорошо знаешь!.. Ты сказать только не хочешь. Канальи обкрадываютъ, а ты имъ потакаешь! Ты за одно съ ними!.. Развѣ не знаешь, что одна кличка и для вора и для того, кто вора покрываетъ?.. *Одно* имя, *одинъ* грѣхъ и *одна* кличка—*воръ!*..

Кистеръ покраснѣлъ отъ оскорбленія, и глаза его сверкнули.

— Позвольте... Кажется, обходъ дворовъ для счета коровъ не входитъ въ мои обязанности! Если бы я зналъ и молчалъ, то, надѣюсь, не былъ бы за это въ отвѣтѣ ни передъ Богомъ, ни передъ закономъ, ни передъ совѣстью... Я знаю, всѣ люди дѣлятся на два рода: *одни* стараются побольше взять, *другіе*—поменьше отдать! Пусть бы посмотрѣли вы хату нашего бѣдняка, и тогда, можетъ-быть, вы поняли, почему онъ старается *меньше отдать*. Вы, господинъ пробстъ, по моему мнѣнію, сказали несправедливо и больше чѣмъ нужно...

Пришла очередь покраснѣть пробсту; но это не обезоружило его вовсе, и онъ закричалъ на кистера съ полнымъ сознаніемъ своего служебнаго превосходства:

— Вы забываетесь, вы забыли, съ кѣмъ говорите!..

— Ошибаетесь, я знаю, съ кѣмъ говорю! Я говорю съ пастыремъ; но знаю и то, что

это не тотъ *добрый пастырь*, о которомъ упоминаетъ Евангеліе.

И церковный староста повернулся и ушелъ.

Настала моя очередь; пробстъ долго еще не могъ успокоиться.

— Вы видѣли,—обратился онъ ко мнѣ,—какъ этотъ каналья велъ себя?.. Такимъ языкомъ и такой рѣчью онъ говоритъ не впервые!.. Ему нипочемъ такъ говорить съ людьми, которые его выше... Это возмутительно!.. Не даромъ мои товарищи давно уже замѣчали мнѣ: «О, если бы такой кистеръ попался къ намъ, справились бы мы съ нимъ мигомъ». Да, подите, справьтесь!.. Видѣли, какъ вышелъ?... Видѣли?—допытывался отъ меня пробстъ.

Я не отвѣтилъ: мнѣ казалось, что правда была не на сторонѣ пробста, и я спѣшилъ перейти къ своему дѣлу. Пробстъ оказался вѣжливымъ, предупредительнымъ, и мы скоро разговорились. Пробстъ безспорно хорошо зналъ свой приходъ; ему были коротко извѣстны мѣстные нравы, обычаи, средства и потребности прихода, — такъ, по крайней

мѣрѣ, можно было судить по его рѣчамъ. Онъ былъ убѣжденъ, что прихожане его крайне невѣжественны, и что они обязаны быть глубоко благодарны тѣмъ «благодѣтелямъ», которые берутъ на себя все бремя опеки надъ ними. Рѣчь пробста текла красивымъ потокомъ... Это была какъ будто скорбная проповѣдь мученика своего долга, своихъ убѣжденій,—мученика, не понятаго толпою, но много для нея потрудившагося. Нельзя было сомнѣваться, кого именно пробстъ причислялъ къ числу «благодѣтелей», которымъ народъ обязанъ безконечною признательностью. Я спѣшилъ, впрочемъ, закончить разговоръ и простился. Я вспомнилъ опять *„Матти съ Голодной Горки“*,—Матти съ его лохмотьями, съ его клячонкой и бочками дегтя... И думалось мнѣ: вотъ *Матти*, а вотъ—*пробстъ*, лицомъ къ лицу, и что за глубокая разница!.. *Одинъ* — въ полномъ удобствъ домѣ пользуется всѣми благами жизни, не опасаясь ни недоимокъ ни распродажи, съ выхоленными руками, румянымъ, привлекательнымъ, полнымъ здоровья лицомъ, покачи-

вающійся на мягкомъ креслѣ; *другой* — въ постоянномъ непосильномъ трудѣ, голодный, иззябшій подъ своей дырявой одеждой, въ разорванныхъ сапогахъ, съ преждевременно изборожденнымъ морщинами лицомъ, а около него голодная, полунагая куча ребятишекъ, съ такой же женой, для которыхъ нерѣдко одинъ и тотъ же обѣдъ и для нихъ и для ихъ клячонки. И вотъ здѣсь — въ прогнившихъ, вѣроятно, стѣнахъ хатки — у всѣхъ одна гложущая забота, одно горе: «какъ бы только въ срокъ уплатить безъ недоимки свою *„десятину“* тому пробсту...» Забота, подъ которой они падутъ не нынче, ну, такъ завтра!.. Какая разница, въ самомъ дѣлѣ, *между ними*, между этимъ пробстомъ и Матти съ *„Голодной Горки“* — между этими двумя созданіями одного и того же великаго Творца, одинаково читавшими каждый день однѣ и тѣ же заповѣди Его, *„дабы итти по слѣдамъ ихъ“*...

Я прожилъ въ мѣстечкѣ нѣсколько дней, пока не уладилъ своихъ дѣлъ. Дорога дальше шла глухими мѣстами; пришлось взять

проводника. Сидя въ саняхъ, я прислушивался, какъ онъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ свои пѣсни. Повидимому, это былъ пребеззаботный парень: житейскія невзгоды еще не тревожили его. Счастливый возрастъ и хорошая пора въ нашей жизни!.. Во всю дорогу мы врядъ ли обмѣнялись двумя-тремя словами, — не до разговоровъ мнѣ было, и тяжело было у меня на сердцѣ!.. Проѣхавъ съ версту, мы замѣтили невдалекѣ крестьянскій дворъ и около него столпившуюся кучку людей.

— Что тамъ за поселокъ?—спрашиваю я проводника.

— «Голодная Горка»,—отвѣчалъ онъ.

— Что же это тамъ за толпа?..

— Публичные торги, должно-быть,—продолжалъ онъ равнодушно.

— У Матти?

— Да, у Матти...—и стегнулъ лошадь.

— Матти на-дняхъ попался мнѣ на дорогѣ, ѣхали вмѣстѣ; онъ хотѣлъ продать свой деготь и предупредить распродажу... Не успѣлъ вернуться, что ли?..

— Должно, не успѣлъ!..

Дорога повернула ко «Голодной Горкѣ»... Я велѣлъ подъѣхать ко двору Матти. Проводникъ подвезъ. Торги еще шли. Вся движимость для продажи была налицо, да и немного ея было... Три тощихъ коровенки съ взъерошенной шерстью понуро стояли привязанными къ прясламъ, и новые пріобрѣтатели уже держались за концы накинутыхъ на ихъ рога лыковыхъ веревокъ. Была, впрочемъ, и еще «движимость», конечно, не занесенная въ торговый листъ, но на нее не позарился бы и самый неумолимый человѣкъ... Это *жена Матти съ кучей полуголыхъ, хныкающихъ ребятишекъ,* державшихся за ея подолъ. Жена Матти была блѣдна какъ полотно; глаза ея были сухи, но по ихъ краснотѣ видно было, что она прежде много плакала... Я приблизился къ ней и вступилъ въ разговоръ:

— Что это у васъ, распродажа? Развѣ вашъ мужъ не успѣлъ вернуться къ сроку?

— Откуда вы его знаете?

И она пытливо взглянула на меня.

— Онъ на-дняхъ попался мнѣ на дорогѣ въ мѣстечко.

— Да, не успѣлъ вернуться... а обѣщалъ... Боюсь, не случилось ли бѣды... Дорога дурна, а лошадушка наша зимой обезсилѣла... Кормы-то у насъ больно плохи!..

Впрочемъ, вернись теперь Матти, дѣло бы не измѣнилось... Было поздно!.. Послѣднее, чѣмъ можно было поправиться въ лѣто, у него взято!.. Правда, отъ коровъ не могло быть много пользы, да все же ихъ молока хватало бы на ребятишекъ. Теперь скотъ пошелъ за безцѣнокъ... Да и кто бы далъ дороже?—тощъ очень... Вырученныхъ денегъ, какъ я узналъ послѣ, едва хватило на покрытіе долга и издержки торговъ.

— Только теперь, лѣтомъ, я бы и могла поправить своихъ коровушекъ, — замѣтила какъ бы про себя жена Матти упавшимъ голосомъ и не смотря въ ту сторону, гдѣ стояли ея «буренки» и «пѣганки»...

Бѣда стряслась непоправимая... А все, повидимому, произошло *совершенно законно*. Никто не могъ укорить, что торги были не-

правильны: законъ неумолимъ, но онъ *законъ*, а право обязательствъ — *священно*... *Все это такъ!* Но, Господи, есть же вѣдь и другой законъ, предъ лицомъ котораго *какъ будто бы и не такъ* все это! Есть же и законъ христіанской любви къ ближнему,—законъ еще древней скрижали...

Довольно было съ меня... довольно! Больше было не подъ силу. Я разыскалъ проводника и спѣшилъ оставить печальную картину. Тяжкое чувство сжимало мнѣ сердце... Молча ѣхалъ я дальше опять безлюднымъ полѣсьемъ. Только подъ конецъ дороги я заговорилъ снова со своимъ проводникомъ:

— А что, молодецъ, каковъ вашъ пробстъ? Любятъ его въ приходѣ?

— Ничего, любятъ; пробстъ у насъ хорошій проповѣдникъ... Говорятъ, скупенекъ сильно: задолжаешь ему, такъ изъ-подъ очага золу выгребетъ!..—отвѣчалъ мнѣ проводникъ.

Онъ подергивалъ вожжами съ равнодушіемъ и опять принялся за свое мурлыканье...

Въ мѣстечко я вернулся назадъ на другой

день и, какъ теперь помню, рано утромъ, въ воскресенье: хотѣлось не упустить случая помолиться въ храмѣ. Колокола уже звонили по-праздничному, громко и торжественно призывая вѣрующихъ внимать *словамъ мира и любви*. Въ церкви въ то же время готовились чьи-то похороны. Какого-то покойника вынесли при мнѣ на носилкахъ изъ церкви, и гробъ, въ ожиданіи пробста и кистера, поставили на землю. Вотъ появились и они. Это были мои старые знакомые. Случайно мнѣ пришлось стоять лицомъ къ лицу съ пробстомъ. Взглянувъ на него, мнѣ тотчасъ же припомнился его послѣдній отзывъ: «негодяи, они только и знаютъ, что обкрадывать меня!»

— Кого хоронятъ?—спрашиваю я, указывая на носилки, одного изъ сосѣдей.

— *Матти съ „Голодной Горки“*,—отвѣчаетъ тотъ.

Холодная дрожь охватила меня. Итакъ вотъ отчего не вернулся во-время домой мой бѣдный Матти: умеръ, не успѣвъ отклонить *„экзекуціи“*.

Между тѣмъ, кистеръ началъ пѣніе псалма, упоминавшаго о той странѣ, *гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія!..* Должно быть, самъ пробстъ избралъ этотъ псаломъ нарочно для послѣдняго напутствованія Матти, для котораго здѣсь не было ничего, кромѣ *печалей* и *воздыханія*...

Кончилось пѣніе; всѣ тронулись; покойниковъ скопилось нѣсколько; въ провожатыхъ недостатка не было, и я тоже шелъ съ другими. На кладбищѣ гроба опустили въ могилы; пробстъ благословилъ ихъ, съ послѣдней молитвой бросая горсти земли, поданной ему лопаткой; такъ онъ дѣлалъ съ каждымъ гробомъ поочереди; *„отъ земли взятъ и въ землю пойдешь!“* произносилъ онъ торжественно, а полузамерзшіе комья съ зловѣщимъ стукомъ ударялись о деревянныя гробовыя крышки... «Пробстъ — хорошій у насъ проповѣдникъ!» «Онъ такъ прекрасно выполняетъ свои обязанности!..» «Я только не смогъ внести къ сроку, я не хотѣлъ его обкрадывать...» Слова Матти неотвязчиво раздавались въ моихъ ушахъ, какъ будто на-

яву, и неустанно слышался его упавшій голосъ, сопровождаемый понурымъ взглядомъ усталыхъ глазъ... Бѣдный, бѣдный мой Матти!..

Въ эту минуту я увидѣлъ вдову Матти, блѣдную, съ преждевременными морщинами на молодомъ лицѣ. Безъ слезъ, съ впавшими щеками, она стояла тутъ же, у края могилы, окруженная своими шестью ребятишками, пугливо озиравшимися кругомъ, продрогшими, полуодѣтыми въ свои лохмотья. Вдова Матти упорно смотрѣла только на одинъ предметъ — *гробъ мужа*...

Когда могилы закрылись, я разспросилъ о смерти Матти. Матти простудился къ дорогѣ и схватилъ воспаленіе легкихъ. Дырявая обувь не прошла даромъ: студеная вода изъ-подъ снѣга заливалась въ сапоги, ноги остыли, хилое, изнуренное заботами и лишеніями тѣло отказалось теперь быть, какъ прежде, такъ выносливымъ, — и Матти палъ въ послѣдней борьбѣ съ жизнью!

Опять раздался звонъ; вмѣстѣ съ другими я вернулся въ церковь. Предстояла пропо-

вѣдь: пробстъ поднялся на свой амвонъ; раздался его величавый, властный голосъ: *„Возлюби ближняго своего, какъ самого себя!“* такъ заповѣдалъ нашъ Спаситель. Съ этого текста началъ онъ свою проповѣдь. Съ жаромъ, красно говорилъ онъ о Томъ, кто Самъ страдалъ за любовь, за Свое великое ученіе. Было ли въ словахъ проповѣдника искреннее чувство? Я не знаю; я не могъ дать себѣ въ этомъ отчета; но окружающіе отзывались, что *да, было*: говорили, что глубокое, искреннее чувство, — чувство отъ сердца сквозило въ каждомъ словѣ проповѣдника. Одна изъ молящихся даже разрыдалась громко, на всю церковь; у многихъ изъ слушателей я видѣлъ слезы на глазахъ; мнѣ показалось, что и глаза самого пробста блеснули благодатной влагой... *Да, онъ у насъ прекрасный проповѣдникъ!* вспомнилось мнѣ.

Пробстъ прочелъ установленную молитву и приступилъ къ *оглашенію:* «Господь въ Своей благости призвалъ къ Себѣ изъ сей юдоли скорби... *Матвѣя Антоновъ изъ Голодной Горки, 42 лѣтъ 3 мѣсяцевъ и 8*

дней живота его"... Оглашенія закончились псалмомъ о тлѣнности всего земного: *сокровища и богатство — только суета и прахъ!.. Богатые станутъ убогими: печаль и воздыханіе — наиъ общій удѣлъ...*

Такъ пробстъ отдалъ послѣдній долгъ своему прихожанину, и отдалъ его не „*яко наемникъ, но яко пастырь добрый*".

Но въ то время, когда онъ упоминалъ о бренности всего земного, о ничтожности всѣхъ благъ земныхъ, когда гремѣлъ о томъ подъ сводами храма его величавый голосъ,—мнѣ слышался сверху другой робкій полушопотъ: „*Я человѣкъ темный, многаго не понимаю; нашъ пробстъ понимаетъ эти вещи лучше!.. О, пробстъ хорошій у насъ проповѣдникъ!..*"

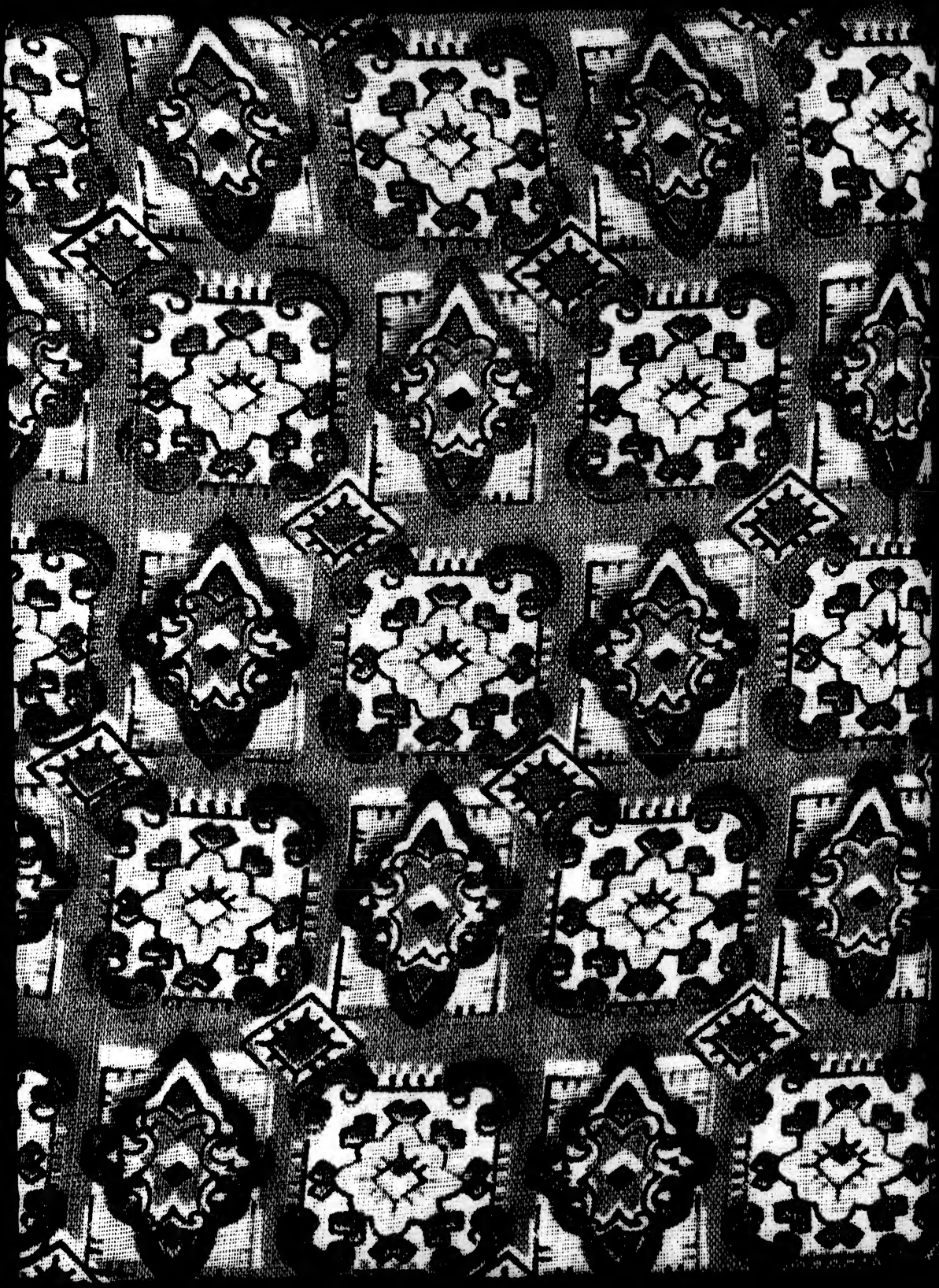
Бѣдный Матти съ «Голодной Горки»!

КОНЕЦЪ.

THE CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

Дозв. ценз. СПБ., 21 мая 1896 г. Лит. Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ.

BLANK PAGE(S) NOT FILMED

W381.5917N-B181m

W117101